

Светлана
ЗАХАРЧЕНКО

г. Петрозаводск

«Любовь, как хлеб,
и дружба, словно хлеб...»

(Православный аспект в творчестве Сергея Орлова)

Образная система поэта Сергея Орлова, которому в этом году исполнилось бы 90 лет, начала складываться во время Великой Отечественной войны. Многие поэты получили тогда закалку на всю жизнь. Влияние военного времени ощутимо в творчестве поэтов-фронтовиков как некое единство. Всех их объединяет любовь к Родине.

Во многом Сергей Орлов является поэтом своего времени, которое проверяло слово на деле. Критики зачастую были к нему неблагосклонны. Одни, как Павел Антокольский, считали, что «он действительно не попал в предвоенную когорту, в круг звонких, молодых поэтов, людей, ощутивших себя творцами нового стиля. Не успел. Они до хрипоты спорили в аудиториях московских вузов, а он ещё кончал школу в тихом Белозерске... Они писали о Планете, об Истории, о Грядущем. А он писал о тыкве, которая лежит на огороде рядом с брюквой «и кажется, вот-вот от счастья громко хрюкнет и хвостиком махнет». Другие, наоборот, числили его отстающим от современной послевоенной жизни. Одна из немногих глубоко восприняла талант Сергея Орлова Анна Ахматова, говоря: «Вы все пытаетесь удержать Орлова в

ряду. А он из ряда». И одна из особенностей поэта в том, что его стихи, рождённые в советское время, пропитаны духом православия.

* * *

В данной статье рассматриваются стихи поэта, относящиеся к 60–70-м годам XX века. Для Сергея Орлова это время, когда известное стихотворение поэта «Его зарыли в шар земной...» стало классикой, телесные и душевные раны, нанесённые войной, затянулись.

«В творчестве С. Орлова 60–70-х годов искусство словесной живописи сочетается с психологически углубленным раздумьем, проникновенностью лирического переживания с публицистичностью высказывания, зоркое умение видеть детали с масштабностью поэтической мысли и **образа**¹. Критики отмечают, что «в начале 60-х годов, когда в поэзии наметился своего рода «взлет романтизма», Орлов, напротив, пишет

¹ Зайцев В.А. Русская советская поэзия. 1960–70-е годы (Стилевые поиски и тенденции). – М.: Изд-во М. ун-та. 1984. – С. 165.

цикл стихов «Простые радости», посвященный таким сугубо земным и прозаическим вещам, как «Кружка молока», «Свежий хлеб», «Щи», «Мытье полов»². «Весь цикл, – считает один из исследователей творчества Сергея Орлова И. Панкеев, – утверждает жизнь в ее привычных, заземленных, бытовых проявлениях, утверждает и возвышает. И от этого сами предметы приобретают иную ценность, прибавляя к своей материальности некий внутренний, духовный смысл».³

В стихотворениях «Свежий хлеб» и «Мытье полов» описываются обыденные занятия.

Мытье полов «под праздник, в день субботний» и выпечка хлебов после мытья полов – вековой деревенский обычай, связанный с воскресной литургией, воскрешением Господним. Выпечка хлебов – замыкание круга от субботы до субботы. Обязательны в канун праздника обряды выпекания свежего хлеба: замешивание теста, его последующее поднятие – символы творения, рождения мира, «веники и метлы – символы очищения, обновления мира».

В стихотворении «Свежий хлеб» хлеб сравнивается с пламенем солнца, но он «благоухает», а не пышет жаром, т. е. происходит своего рода перевоплощение хлеба. С хлебом сравниваются любовь и дружба:

*Есть мера высших ценностей на свете –
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.*

Эффект божественного присутствия усиливают метафора «полет ладоней», а также безличные глагольные формы: «валяют», «встречаются», которые автор использует при создании образа хлеба. Вышеперечисленные глагольные формы вместе со сравнением «рыж и кругл, как солнца пламень» напоминают оживший хлеб из сказки «Колобок». Заключительные строки стихотворения «Свежий хлеб» (И все предметы к торжеству причастны, / А день просторен, светел и высок) выводят читателя за рамки сказочного сюжета к кульминационному событию литургии – обряду Причащения, которым провозглашается светлое воскресение.

В стихотворении «Мытье полов» действие также происходит в избе. Предметы домашнего обихода «чугуны», «березовый голик, раздавленный ногой», «мочала» скорее напоминают избушку Бабы Яги.

*А во дворе горят половики полотна,
Как радуги на кольях у ворот.*

Представляются горящие на кольях у ворот дома Бабы Яги черепа. Но полотна половиков горят, как радуги. А радуга – это библейский символ воскресения.

*Хозяйки моют пол под праздник, в день субботний,
И праздник настает...*

Это не просто мытье полов:

*Я тоже мыл полы в казарме по наряду.
Но не был весел я, тем более – красив.*

Это обряд очищения:

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют.

В обоих стихотворениях не говорится, что за торжественный праздник ожидается. Но русскому читателю, православному, как и крещенная тысячелетие назад Русь, это понятно: настает воскресенье, а это означает, что малый церковный круг завершается служением Божественной Литургии. По Гоголю, Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося, и подвиг этот заключается в добровольном отдании жизни за всех и тридневном **воскресении**⁴. В этом смысл воскресного дня уже два тысячелетия. Согласно христианской символике: Христос, Слово Божье, Свет. Бог есть любовь. А каждое воскресенье в православии – духовный праздник воскресения Христа, а значит, воскрешения света и любви Божией. И советская идеология не снимает внутреннюю потребность духовного перерождения.

В конечном четверостишии стихотворения «Щи» наступает кульминация цикла «Простые радости». В строке «И каравай раскрыт, как Библия» образно описывается Литургия верных, когда священник изымает часть хлеба из просфоры под чтение Библии: «И, помышляя, что рождается Принесший в жертву Себя за весь мир, соединяет неминуемо мысль о самой жертве и глядит на хлеб, как на агнца, приносимого в жертву, на нож, которым должен изъять, как на жертвенный, который имеет вид копья в напоминание копья, которым было прободено на кресте **Тело Спасителя**»⁵.

Исследователи творчества Орлова сравнивают стихотворение «Щи» с державинским стихотво-

² Зайцев В.А. Указ. соч. – С. 161–162.

³ Панкеев И. Сергей Орлов... – С. 108.

⁴ Гоголь Н.В. Размышления о Божественной Литургии.

⁵ Гоголь Н.В. Размышления о Божественной Литургии.

рением «Жизнь Званская». И там и там «описание съестных припасов возводится, по мнению А.В.Западова, в достоинство поэзии»⁶. А сам цикл стихов о «съестных припасах» вырос из детского стихотворения о тыкве до размеров православного мира.

* * *

Хлеб также является неперенным атрибутом сказки (вместе с посохом и башмаками (или сапогами). В мифе – это символы бесконечности пути. Число «три» подводит к тридевятиному царству, иному миру (миру мёртвых). Таким образом, эти предметы являются элементами мотива пути и элементами, связующими два мира. Но в русской поэзии зачастую происходит трансформация архетипа в образ. Хлеб становится тождествен просфоре, что отмечено и у Афанасьева в собрании сказок, и у В.Я. Проппа⁷. Посох в руках первосвященника Аагарона обращается цветущим деревом, символизируя связь этого и иного мира, а сам процесс превращения восходит к мотиву воскрешения. Понятие духовного пути уже не связывается с башмаками, но число «три» продолжает оставаться сакральным, символизируя Святую Троицу. Вот как говорит о предназначении христианства В.С. Соловьев в статье «Об упадке средневекового мирозерцания»: «Сущность истинного христианства есть перерождение человечества и мира в Царство Божье (которое не от мира сего). Это перерождение есть сложный и долгий процесс, недаром же в Евангелии оно сравнивается с ростом дерева, созревaniem жатвы, скисанием теста и т. п.»⁸.

Стихотворение «Хлеб» с первой строки воспринимается как литургийное действие. Сорок дней – время церковного поста, духовного созревания (сравните: срок созревания пшеницы: от 75 до 155 дней). Престол, в который превращается стол с лежащим на нем хлебом, – это место в храме, где происходит пресуществление.

*В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных шорох,
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.*

*Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол – престол.
Хлеб – голова всему. Он с солью не бранится.
Смирятся и пес пред ним, хотя и зол.*

Образ хлеба в этом коротком из восьми строк стихотворении создается как атрибут Божественной Литургии. Примириться перед Божественной Трапезой должен каждый причастник, «аще кто речет: люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть» (1 Ин. 4:20). Смирение пса в последней строке – это сочетание двух библейских мотивов: «аки псы на свою блевотину возвращающиеся» (таковы «невоцерковленные» люди), «но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15:27). Оправдано в последней строфе использование народных поговорок. Они как бы примиряют безбожный мир, освящая его литургической Трапезой.

Литургийное описание хлеба в стихотворении Сергея Орлова «Слово о Циолковском» сопровождается противопоставлениями шума и тишины, нищеты и богатства, неба и земли, боли и радости. Единение происходит на уровне братства, восходящего к апостольскому, центром единства является хлеб:

И тысячи ладоней

*Умяли тишину в комок.
И, весь в скрипучей коже, конник
Вручил торжественно паек
Солдатский свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн, –
Весь черный, как земные недра,
Как солнце жаркий, каравай.
Нет, не как плата и награда –
Как братья делят на земле
Все, что имеют, – боль и радость, –
Лежит сейчас он на столе.*

Сакральность хлеба отмечается в стихотворении Орлова «Хлеб привезли»:

*Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.*

.....
*Хлеб выгружается у булочной,
И день за ним грядет насущный.*

⁶ Цит. по кн.: Панкеев И. Сергей Орлов... – С. 110.

⁷ Пропп В.Я. Указ. соч. – М., 1986. – С. 145.

⁸ Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозерцания... – С. 339.

Главенствующее положение хлеба в укладе жизни Древней Руси отражено множеством пословиц и поговорок. Отношение к хлебу всегда было почтительным. Хлеб участвует в Божественной Литургии, во время Литургии верных он присутствует в Тело Христово.

* * *

Стихотворение «У огня своя архитектура...»⁹ является своеобразным развернутым сравнением огня с архитектурными строениями, в которых совершаются богослужения. Сопоставляется мифологическое представление об огне как проводнике в иной мир души после смерти и религиозное верование о спасении душ. Сначала пламя сравнивается с готической башней, затем с куполами, далее с костёлами и православными церквями. В заключительном двустишии звучит предположение:

*Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..*

Что за трудный год вспоминается поэту? Вопросительная интонация усиливает смысловую ткань стиха, задавая философскую вертикаль. Первая строка «У огня своя архитектура», являясь метафорой, стоит в одном ассоциативном ряду со сравнением «ели словно колокольни». Огонь, участвующий в обряде погребения, в христианской традиции перестаёт быть инструментариумом смерти и переходит в образную систему, означая внутренний процесс духовного борения.

Константин Симонов неодобрительно отозвался об этом стихотворении: «много красивостей, а рядом с красотой почти всегда поселяется безразличие; и белые церкви в Софии, и костел за Варшавой, и наши села – все это у Вас идет в одном поэтическом ряду и звучании, а в душе-то ведь совсем не так. И получилось в стихотворении, что не стихи из-за этого села возникли, а село возникло из-за того, что так красиво выходило по стихотворению»¹⁰.

Орлов объединил в один поэтический ряд католическую, православную, протестантскую конфессии и русские села из-за их принадлежности к единой христианской Церкви. Русское село возникло в этом ряду совсем не случайно. Русская деревня – хранительница уклада жизни отцов, дедов и прадедов. Само слово «крестьянин» этимологически восходит к понятию «христиа-

нин». Несмотря на неоднократные, западные влияния, Россия оставалась православной в своем большинстве до XX века. А в начале социалистической эпохи, когда церковь была отделена от государства, в деревнях и селах долго сохранялся православный уклад жизни.

Что же это за «трудный год», о котором говорится в стихотворении? Сюжетное построение напоминает «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. «Пламени готические башни, дыма голубые купола...» – поэтический образ строк Гоголя о просвещении, которого нет в западной Церкви, бессильной примирить множество возникших противоречий сердца и ума.¹¹ Гоголь рассуждает о препятствиях века и называет самое страшное, необоримое: «имя ему гордость. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее гордость чистотою своею»¹². А кто из всех народов более гордился благородством своим, как не польская шляхта? Не поэтому ли задается Орлов вопросом: «Может, за Варшавою костелы?»

«Есть другой вид гордости, – продолжает Гоголь, – еще сильнее первого, гордость ума»¹³. И С. Орлов следует мыслью за ним: «Может, церкви белые Софии?» В заключительных строках «Избранных мест...» Гоголь говорит, «что есть, наконец, у нас отвага, никому несродная, и если настанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с большою собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды все бывает позабыто, <...> и вся Россия один

⁹ Ср.: стихотв. С. Ботвинника:
*...Я видел свой, войну познавший, город
И пламя, полыхающее в нем...
Берлин горит совсем другим огнем.*

Или в стихотворении Л. Решетникова «Перед атакой»: «пылают, словно свечи, хутора»; также в стихотворении К. Ваншенкина «Костер»: «блеск огненной его архитектуры». Образ «архитектурного» огня в стихотворении М. Матусовского «Костер».

¹⁰ Панкеев И. Сергей Орлов. Судьба и творчество. – М. Советская Россия, 1988. – С. 88.

¹¹ Гоголь Н.В. Указ. соч. – С. 108.

¹² Там же. – С. 113.

¹³ Там же. – С. 114.

человек»¹⁴. Догорающие в России села в заключительных строках стихотворения С. Орлова «У огня своя архитектура» – своеобразный краеугольный камень в основании православной Церкви. Жертвенность – оплот духовности России, чья Церковь возводится в сердцах. Да, «Русские села», как заметил К. Симонов, выпадают из «архитектурного» ряда, т. к. пламя «готических башен», «варшавских костелов» и «софийских церквей» – это утрата духовности Западом, а горящие русские села – это выжженное сердце России, это не сдавшаяся врагам Москва во времена нашествия Наполеона. Горело жилье, но укреплялся русский дух. Вопрос, задаваемый в стихотворении «У огня своя архитектура», относится к вопросу веры.

* * *

В стихотворении Сергея Орлова «А мы прошли по жизни просто» на первый взгляд отсутствует героика подвига и нет ни слова о любви.

*Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы? Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.*

*Мы горе, что по праву причиталось
И им, далёким, выпили до дна.
Им только счастье светлое досталось,
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь война.¹⁵*

Сергей Орлов говорит от лица своего военного поколения, обращаясь к далёким потомкам. «Нам всю жизнь война», – заключает Сергей Орлов, зная, что, единожды испив из чаши, он навеки приговорён к борению: каждый час жизни его теперь будет как последний. Если обратиться к началу стихотворения, то строки

*...и солёным потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах,*

соединённые с серединой строкой

мы замутили кровью столько рек,

проникнуты образом из Евангелия от Луки: «был пот Его, как капли крови».

Две тысячи лет назад Иисус взмолился к От-

цу: «да минует Меня чаша сия» (Мф. 26.39), и добавил: «впрочем не как Я хочу, но как Ты». Далее в Евангелии от Луки говорится, что Иисус, «находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22.44). Вот что пишет Геллей в кратком библейском толкователе¹⁶ об этих строках Евангелия: «Христос умер за грехи мира... Он умер, чтобы спасти нас от проклятия. Таким образом, Он должен был пройти через те страдания, которые пришлось бы пройти нам, если мы окажемся неспасёнными. Иисус пришёл из вечности, зная, что к концу земного пути Его ожидал крест, зная, что Он пришёл как Агнец Божий взять на Себя грех всего мира...»

Но вот Он подошёл к концу Своего пути, как перед Ним предстало это чудовищное орудие пытки... Затем, после двух, трёх или четырёх часов этих душевных борений, Он отогнал всякую мысль об отступлении и решительно вознамерился пройти через это. Он настолько обесилел, у Него выступили капли кровавого пота... Мы никогда не сможем понять, живя в этом мире, страшную тайну искупления, не сможем постичь, для чего это. Но мы знаем, что оно было необходимо, чтобы спасти нас».

В приведенном выше отрывке из Евангелия от Луки кульминационный момент описан изнутри. Это и есть та самая точка примирения жизни со смертью, добра со злом. Та точка, которую хотел иметь когда-то мудрец, говоря о точке опоры, посредством коей он бы перевернул мир.

Когда читаешь стихотворение Орлова «А мы прошли по жизни просто», создаётся впечатление, что в нём говорится не только о судьбе военного поколения, но о судьбе человечества. Стихотворение написано классическим, пятистопным ямбом. Ритмический рисунок стиха плавный, неторопливый. Напряжение возникает на внутреннем плане. Сочетание «с потом и кровью» является фразеологическим сращением, описывающим тяжкий труд. Но в данном стихотворении иной контекст. Автор намеренно употребляет

¹⁴ Гоголь Н.В. Размышления о Божественной Литургии. – С. 118–119.

¹⁵ Ср.: в стихотворении К. Симонова «Не лги – анатом!...»:

А если – в поле?

А если – пуля?

– То божья воля!

¹⁶ Геллей Г.Г. Библейский справочник Геллея. Краткий библейский толкователь. – Торонто, 1984. – С. 521.

лексемы «пот» и «кровь» в разных строфах. За образами горя и страдания, мужества и победы проступает мотив искупления и перифрастическое уподобление Христу.¹⁷

Оппозиция *жизнь-смерть* выражена в противопоставлении мира и войны, где война состояние борения как физического, так и духовного. Этот фактор отражен появлением оппозиции *пот-кровь*, в которой сохраняется ассоциативный ряд *пот-жизнь, кровь-смерть*, но меняется смысловой контекст жизни и смерти, представляемых теперь в духовном плане.

В стихотворении «Гефсиманский сад», заканчивающем роман «Доктор Живаго», Б. Пастернак опускает тему искупления Христа, для него, в отличие от Нерваля, Рильке и Минского, важна тема искупления греха за *всех*.¹⁸ Пастернак берет сюжетом стихотворения библейскую историю о событиях, происходивших в Гефсиманском саду, сознательно. У Орлова же тема искупления перед моментом искупления проступает сквозь ткань стиха из подсознания, когда речь заходит о цене жизни и смерти, она появляется как сложившийся узор переплетения двух основополагающих проблем человечества: жизни и смерти.

Тема пути и тема подвига раскрываются Сергеем Орловым с христианской позиции. Подвиг описывается как аналог христианской жертвенности в традициях, присущих русской литературе. Совершение воинского подвига восходит в

стихах поэта к христианской идее любви, кульминация которой: *отдание жизни за други своя*.

Поэтический словарь образов Сергея Орлова является примером преломления в авторском мировоззрении лучших образцов русской культуры.

¹⁷ Ср.: в стихотворении К. Симонова «Автобиография» говорится о том, что чувство, связанное с войной, «вошло в плоть и кровь», т. е. речь идет о поэтической универсалии единения, вводимой образом причастной чаши, тогда как С. Орлов при формировании поэтической универсалии духовного единства использует мотив чаши искупления. А также ср.: в стихотворении О. Берггольц «Накануне» Победа «кровавый пот не вытерла с лица».

¹⁸ Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака). – СПб., 1995. – С. 87.

Светлана Олеговна ЗАХАРЧЕНКО

родилась в г. Челябинске.

Работает в Петрозаводском государственном университете

на кафедре туризма преподавателем этики.

Кандидат филологических наук.

Автор пяти поэтических книг.

С 1983 г. проживает в Петрозаводске.

Член Союза российских писателей с 2006 г.

